

УДК 947(571)

«БОГОБОРЧЕСКИЙ НАТИСК» КОНЦА 1940-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Алексей В. Горбатов^{a, @, ID1}; **Екатерина С. Скворцова**^{a, ID2}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ gorn1965@yandex.ru

^{ID1} <http://orcid.org/0000-0002-8493-6468>

^{ID2} <http://orcid.org/0000-0001-6384-2211>

Поступила в редакцию 05.09.2018. Принята к печати 15.10.2018.

Ключевые слова:

Русская православная церковь, государственно-церковные отношения, причины закрытия православных обществ, методы борьбы с религией

Аннотация: В статье рассмотрены особенности вероисповедной политики в период позднего сталинизма конца 1940-х – начала 1950-х гг. Использованы труды специалистов в сфере государственно-конфессиональных отношений и неопубликованные материалы региональных и федеральных государственных архивов. Рассмотрен комплекс внешнеполитических и внутренних причин изменения церковной политики в 1948 г. Проанализированы основные направления запретительных и ограничительных мер в отношении Русской православной церкви на общесоюзном уровне. На примере Кемеровской области проанализирована особая ситуация, когда государственные органы предприняли попытку ликвидировать в течение одного года пять общин Русской православной церкви. В основном органы власти предъявляли претензии приходам по неудовлетворительному техническому состоянию храмов, а также не признавали права собственности общины на культовое здание. Установлено, что претензии органов власти были просто формальными, а грубые административные меры, ограничивающие религиозную жизнь, противоречили советскому законодательству.

Для цитирования: Горбатов А. В., Скворцова Е. С. «Богоборческий натиск» конца 1940-х – начала 1950-х гг. (на примере Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 24–31. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-24-31>

Введение

Нередко в истории отношений советского государства и Русской православной церкви (РПЦ) послевоенного периода выделяют три ключевых этапа. Назовем их лапидарно: сталинское церковное возрождение – хрущёвские гонения – религиозная «перестройка» Горбачева. Вместе с тем история этих отношений не так проста и прямолинейна. Между этапами и внутри самих этапов были исторические промежутки, которые сложно охарактеризовать однозначно. Таковым можно считать период конца 1940-х – начала 1950-х гг., который ознаменовался новой волной давления на РПЦ.

За сравнительно небольшой срок в отечественной историографии указанному периоду посвящено немало исследований [1–3]. Историки-религоведы Д. В. Поспеловский и М. В. Шкаровский определили ряд причин изменения в церковной политике с конца 1940-х гг. [4, с. 264–265; 5, с. 304, 306]. Во-первых, поменялся вектор геополитики СССР. В это время мир уже находился в условиях глобального геополитического противостояния двух систем, в котором РПЦ отводилась миротворческая роль. Священнослужители включились

в работу региональных комитетов защиты мира, регулярно выступая с проповедями на миротворческие темы, поддерживая контакты с христианскими конфессиями других стран. Архиепископ Новосибирской и Барнаульской епархии Варфоломей не оставался в стороне от общественной жизни, как и многие другие митрополиты того времени. В своих проповедях и посланиях он призывал свою паству к «созидательному труду и усердным молитвам об укреплении мира на земле». В сентябре 1950 г. в «Журнале Московской Патриархии» вышла его статья «Первый шаг к миру», посвящённая духовной поддержке инициатив, способных «ослабить позиции мирового зла» [6]. Однако неудачей можно было считать Совещание глав и представителей Православных Церквей, проведенное в Москве в 1948 г., которое проигнорировали Греческие Церкви. Реализация плана формирования центра всего православного мира в Москве, как противовес враждебному СССР Ватикану, оказалась неосуществимой. Потому советское руководство достаточно быстро охладело к использованию религиозного фактора в геополитике, считает М. В. Шкаровский,

из-за краха «средиземноморских» планов И. В. Сталина в Греции, Турции, Израиле [5, с 304–306].

Во-вторых, во внутренней политике проводились масштабные идеологические кампании, начался этап борьбы с вольнодумством и «низкопоклонством перед Западом», шел процесс укрепления политического режима, возобновились репрессии [7]. Со второй половины 1948 г. партийное руководство страны подвергло острой критике работу Совета по делам РПЦ (СДРПЦ). С точки зрения ЦК партии, неудовлетворительная работа Совета проявлялась в том, что он в своей непосредственной деятельности излишне доверял лояльности церковников, которые на деле проводили скрытую антисоветскую работу; игнорировал нарушения религиозного законодательства представителей культа; преувеличивал роль РПЦ на международной арене; миндальничал со священнослужителями. Совет, по сути, должен был качественно переформатировать свою стратегическую линию, перейти от функций координатора и посредника к непосредственному управлению церковью в интересах партии в сложной обстановке мировоззренческого противостояния: атеистического и религиозного. Неслучайно в 1950 г. пять членов СДРПЦ, включая его руководителя, были внесены в номенклатуру ЦК ВКП(б). Это предполагало, что деятельность Совета из зоны контроля со стороны органов госуправления теперь переходила в сферу партийного влияния – Отдела пропаганды и агитации.

Вероисповедная политика советского государства

Партийная элита, оказывая влияние на СДРПЦ, приступила к корректировке собственной вероисповедной политики, проводившейся в 1943–1947 гг. Так, был осуществлен ряд запретительных и ограничительных мер. При этом соответствующие решения под давлением СДРПЦ проводились через Синод: запрещены молебны на полях и крестные ходы из села в село, духовные концерты в храмах во внебогослужебное время, поездки архиереев по епархиям в период сельских работ. Кроме того, саратовские события [8] (в феврале 1949 г. был опубликован в газете «Правда» фельетон о массовом крещении и купании верующих, вызвавший общественный резонанс) заставили патриарха, не без влияния СДРПЦ, принять решения, касающиеся «упорядочения деятельности духовенства»: запретить устраивать крестные ходы «на Иордань», а освящение воды проводить в церковной ограде.

В послевоенное время советская власть достаточно терпимо относилась к паломничеству, поклонению чудотворным иконам, молениям у святых мест и источников. Такие центры общецерковного значения, как Троице-Сергиева и Почаевская лавры, Глинская пустынь, неизменно продолжали притягивать к себе верующих. С 1948 г. отношение властей изменилось, и на паломничество уже налагался административный запрет.

23 сентября 1948 г. была принята инструкция СДРПЦ, ограничивающая возможности регистрации священнослужителей, имеющих судимость. Документ был составлен главным образом для создания искусственного дефицита кадров, при котором власти бы имели повод к закрытию приходов, не имеющих священников, а также к сдерживанию открытия новых храмов. Однако в феврале этого же года распоряжение было отменено со следующими оговорками: Ограничение в регистрации (отказ) духовенства, подвергшегося репрессиям (судимости по известным статьям) и потому имеющего паспортные ограничения, распространяется только на режимные города и местности СССР (I и II категории), поскольку там им запрещается проживание и прописка.

И тем не менее существовал другой документ, применяющийся властями против священников. Указ Президиума Верховного Совета СССР 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку, на поселение в отдельные местности СССР» привел к повторной волне арестов священников. Советские граждане, представляющие опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности, по истечении сроков наказания согласно Указу направлялись по назначению Министерства государственной безопасности (МГБ) в ссылку на поселение в отдаленные регионы СССР, в том числе в районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 километрах севернее Транссибирской железнодорожной магистрали¹. Органами МГБ с 1 января 1947 г. по 1 июня 1948 г. по Советскому Союзу «за активную подрывную деятельность» были арестованы 1968 «церковников и сектантов», из них православных – 679. Согласно сводному отчету ГУЛАГа на 1 октября 1949 г. количество священников по всем лагерям составляло 3523 человека [9, с. 408–410, 417–420]. Ввиду большого стечения следственных дел по Кемеровскому благочинию, исполняющий административные обязанности, благочинный К. Лукин даже ставил вопрос о приобщении к этому специального следователя².

¹ О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.02.1948. Режим доступа: <http://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/480221.htm> (дата обращения: 29.07.2018).

² Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 29. Л. 232.

Для сохранения действующих храмов и молитвенных домов, а также для того, чтобы решить проблему нехватки священнослужителей, в феврале Синод принял решение о введении института разъездных священников. С 1 июня 1949 г. Совет разослал своим уполномоченным поправки к ранее действовавшей инструкции, где, в частности, предписывалось не допускать продажу «предметов религиозного культа» «вне храмов и монастырей».

В сентябре 1948 г. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был разработан, но отклонен властью проект Постановления «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». За период 1948–1953 гг. правительством СССР не было принято какого-либо значимого документа, касающегося вопросов дальнейшей деятельности РПЦ. На XIX съезде ВКП(б) тема борьбы с религией не была принята и зафиксирована в новом Уставе Коммунистической партии Советского Союза.

Несмотря на это смена настроений по «религиозному вопросу» в высших эшелонах власти на «Старой площади» была быстро «уловлена» и поддержана областными и местными органами государственной власти. У многих бывших активистов 1930-х гг. сохранились в памяти времена «безбожной пятилетки», направленной на уничтожение религии в СССР, и потому потепление отношений с Церковью воспринималось как предательство идеалов принципов социализма и научного атеизма. Беспрецедентная в данных обстоятельствах ситуация еще более чем за 5 лет до «хрущевских гонений» сформировалась в Кузбассе. В регионе в течение только одного года (с 1949 по 1950 гг.), без санкции СДРПЦ, при поддержке местных властей, в период формально гармоничных и взаимно комплементарных отношений государства и Церкви, была осуществлена попытка ликвидации пяти официально действующих православных молитвенных домов.

Инициаторами усилий по ликвидации молитвенных домов были непосредственно управленцы на местах, которые активно вмешивались в административно-управленческую деятельность приходов. Представители местной власти находили множество предлогов для этого. Например, православная община г. Анжеро-Судженска, собрав силами прихожан 600000 руб., произвела строительство нового молитвенного дома. Примечательно, что городская исполнительная власть дала разрешение на постройку и отвод земельного участка, сам проект церковного сооружения санкционировал главный архитектор Анжеро-Судженска. Как выяснилось позже, облисполком в лице орготдела, получив разрешение на строительство церкви, не поставили под сомнение вопрос о его законно-

сти. Уполномоченный по делам Русской православной церкви Ф. Д. Узлов, который знал о строительстве, также не принял мер по прекращению³. Внезапное выявление выстроенного православного молитвенного дома в центре, на пригорке, обозреваемого со всех концов города, было воспринято партийным руководством области как грубая политическая ошибка. Накануне открытия храма в 1949 г. руководство города приказало опечатать церковное сооружение и запретило проведение богослужений на основании того, что его возведение было, якобы, не санкционировано.

Строгость принятых решений на основании Постановления областного комитета ВКП(б) по вопросу строительства нового молитвенного дома в Анжеро-Судженске весной 1949 г. открыто продемонстрировала установку местного истеблишмента по отношению к этому досадному «идеологическому промаху». Лишились своих должностей, как несправившиеся, зампредседатель Анжеро-Судженского горисполкома и секретарь данного учреждения, а также ответственный «за религию в области» уполномоченный по делам РПЦ Ф. Узлов. Ряду сотрудников различных категорий были объявлены партийные выговоры с формулировкой «за притупление политической бдительности». Прокурору области было дано поручение провести следственные мероприятия и предать суду граждан, противозаконно построивших молитвенный дом [10].

Под явно надуманным предлогом была осуществлена попытка полностью ликвидировать деятельность и Петропавловского молитвенного дома. Об этом свидетельствует справка 1951 г. председателя исполкома облсовета: «Старый молитвенный дом по улице Бийской 77 находится на выработанном угольном пласту и грозит обвалом. Поэтому во избежание несчастного случая разрешить в дальнейшем службу в этом молитвенном доме нет основания. Было бы проще решить вопрос о закрытии этого молитвенного, если бы не было другой ново-выстроенной церкви в гор. Анжеро-Судженск. Её наличие ставит нас перед фактом необходимости открыть новую церковь... Считаю, что новую церковь открывать нельзя, старая подлежит закрытию, а церковная община должна быть распущена»⁴.

Аналогичные эпизоды, когда представители органов власти сначала одобряли регистрацию православной общины или строительство церкви, а затем запрещали, возникали достаточно часто. Например, топкинская община для строительства новой церкви осуществила покупку дома у колхоза. Когда же церковь была построена, власти её изъяли через суд с вынесением решения оборудовать его под районный Дом культуры. В апреле

³ ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 27. Л. 65.

⁴ Там же, л. 79.

1950 г. Никольская церковь г. Топки была закрыта по причине ветхости помещения. Председатель горисполкома повесил замок на Никольскую церковь накануне Пасхи в присутствии верующих, собравшихся для служения⁵.

Среди причин, по которым возникали несогласованные действия по отношению к РПЦ, следует выделить определенную двойственность в вероисповедной политике. С одной стороны, партийные и общественные организации были обязаны развернуть наступление на религиозные пережитки, с другой – всячески осуждалось и наказывалось административное давление на религиозные объединения, т.к. оно шло вразрез с советским законодательством, что наносило вред атеистическому воспитанию и могло способствовать оживлению религиозных настроений.

Поскольку все культовые сооружения находились в собственности государства и передавались официально зарегистрированным религиозным общинам в бесплатное пользование по договору, представители местной власти находили отклонения от условий договора, грозили закрытием, расторжением соглашения о пользовании церковным зданием и культовым имуществом.

По техническому состоянию здания имели ряд недостатков. Сооружение пристроек, реконструкция храмов или отсутствие должного ремонта являлись поводом для закрытия общин. Например, 2 марта 1949 г. начальник городской пожарной охраны г. Гурьевска при обследовании противопожарного состояния молитвенного здания, выявив неисправность электропроводки, отсутствие инвентаря и другие нарушения, запретил проводить молитвенные собрания. Таким образом, вопреки Постановлению СНК СССР от 1 декабря 1944 г. был закрыт молитвенный дом без предоставления возможности религиозной общине устранить отмеченные противопожарные нарушения. Кроме того, приобретение молитвенного здания и договор о передаче общине верующих этого дома сочли недействительными⁶.

Также 19 июня 1949 г. исполнительный комитет Сталинского городского Совета депутатов трудящихся решением № 326 признал незаконной передачу Никольского молитвенного дома религиозной общине и произведенную верующими пристройку (зал и алтарь). На этом основании был закрыт молитвенный дом.

Все это было сделано без санкции Совета и без рассмотрения в облисполкоме, что вызвало недовольство со стороны Совета. Председатель

СДРПЦ Г. Г. Карпов, действуя в интересах церкви, неоднократно рекомендовал отменить распоряжения о ликвидации приходов. Он в письме к Секретариату ЦК партии Г. М. Маленкову сделал акцент на том, что в Кемеровской области «как нигде стали иметь место неединичные случаи грубого нарушения Постановления СНК СССР № 1643-486/с, запрещающего закрытие церквей и молитвенных домов без разрешения Совета»⁷. Однако областная исполнительная власть, руководствуясь установками партии, проигнорировала указания Совета.

На защиту молитвенных домов также встал заместитель заведующего инспекторским отделом Совета И. Г. Сивко, обратившись с вопросом о нарушении законодательства в облисполком и обком. Функционеры привели достаточно слабые доводы в пользу закрытия церквей. В частности, председатель Кемеровского облисполкома В. А. Москвин в качестве основания для ликвидации, помимо нарушений законодательных и противопожарных правил, ссылаясь на общественное мнение граждан промышленных центров, выступающих против возобновления деятельности религиозных общин. А секретарь обкома А. И. Пулях аргументировал антирелигиозную политику в регионе тем, что «население в Кемеровской области в подавляющем большинстве – пришлое, среди которого много лиц переселенных, высланных и прибывших с целью укрыться от своего неблагоприятного прошлого»⁸.

Стоит отметить, что после закрытия молитвенных домов в г. Гурьевске и г. Сталинске некоторое время православные приходы продолжали существовать, находясь в «неопределенном состоянии». Духовенство и верующие, не смирившись с закрытием общин и увольнением священников, обращались с настойчивыми жалобами во все органы власти. Архиепископ в надежде открытия Гурьевского храма не переводил неработающего настоятеля Федота Безногова в другую церковь. Уполномоченному поступило от верующих 27 жалоб⁹. Но в марте 1952 г. была принята резолюция СДРПЦ: «Согласиться с предложением Кемеровского облисполкома о нецелесообразности возобновления деятельности молитвенного дома в г. Гурьевск». После того как православная община была распущена, ее имущество, кроме предметов культа, не имеющих ювелирной и исторической ценности, подверглось национализации и было объявлено народным достоянием.

«1. Предметы из платины, золота и парчи, а также драгоценные камни передавались местным финансовым органам для зачисления в государственный

⁵ Там же, л. 105.

⁶ Там же, л. 56.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 2.

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.

⁹ ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 27. Л. 50, 94.

фонд и распоряжение Министерства просвещения РСФСР, если предметы состояли на их учете.

2. Все предметы исторической, художественной, музейной ценности передавались Министерству просвещения РСФСР.

3. Предметы, имеющие специальное значение при отправлении культа (иконы, облачения, хоругви, покровы и т. д.), передавались другой общине.

4. Все остальное имущество ... лес, лошадь, куски полотна, и другие предметы, передавались финансовым органам для реализации и зачисления средств от реализации этого имущества и тех, которые остались от общины верующих – 10000 руб. в доход государства, как народное достояние – ст. 13 декрета СНК от 23.01.1918 (СУ 1918 г. № 18 ст. 263)»¹⁰.

Претензии местных властей к церквям продолжались и, как правило, были безосновательными, натянутыми и алогичными. Формы и методы, которыми проводилось ограничение религиозной деятельности, напоминали кампанию по закрытию церквей 1930-х гг. Так, например, местоположение Михайло-Архангельского молитвенного дома в г. Сталинске стало основной причиной его закрытия в августе 1949 г. Комиссия Молотовского исполкома посчитала недопустимым расположение молитвенного дома в жилом квартале на расстоянии 8–10 м от жилых домов и надворных построек. К тому же отсутствие шоссейных дорог, подездных путей автогужевого транспорта противоречило противопожарным правилам. Местные власти обвинили настоятеля молитвенного дома Н. М. Шетнева в том, что тот предоставил ложную ориентировку верующим, выражающуюся в неправильном растолковании телеграммы в день 70-летия И. В. Сталина и тем самым дискредитировал исполком. Согласно решению исполкома Шетнев должен был снести молитвенный дом в связи со строительством железнодорожных путей сообщения на улице Пионерской¹¹.

Незначительные нарушения правил безопасности также грозили общине закрытием. Например, в начале 1950-х гг. в церквях г. Тайга и г. Осинники отключили электричество ввиду неисправности технического состояния проводки до устранения недостатков. А в 1951 г. комиссия райисполкома закрыла Вознесенскую церковь с. Верхотомка из-за неисправности печей, отсутствия пожарного инвентаря, ветхих наружных дверей, неисправности террасы, накренения креста на 25°. Кроме этого, местные власти запретили устранять «нарушения», пока община не предоставит им финансовую смету¹².

Беспрецедентный случай произошел в поселке Промышленном в 1948 г., когда финорганы взяли с незарегистрированной общины денежные платежи за помещение. Община, пользуясь тем, что она фактически являлась законно признанной местными органами власти, оказывала материальную помощь детскому дому. Но в 1949 г. Горсовет закрыл молитвенный дом. Это вызвало протесты, жалобы и недовольства верующих, которым запрещено было разбирать по домам иконы, собранные для молитвенного дома¹³. Всего в СССР с 1 января 1949 г. по 1 января 1953 г. аналогичным образом по данным церковного историка, протоиерея В. Цыпина было закрыто около тысячи церковных зданий [11, с. 298–299].

Следует отметить, что эта первая попытка богорборческой атаки после религиозного «ренессанса» середины 1940-х гг. не была направлена исключительно на православные общества. Политика по отношению к неправославным религиозным организациям осуществлялась по аналогичной схеме. Так, в 1949 г. была закрыта единственная в области официально действующая община мусульман в г. Прокопьевске. История общины ведет отчет с 1931–1933 гг., когда в город прибыло большое количество спецпереселенцев (кулаков) из числа казанских, уфимских и челябинских башкир и татар. Община была зарегистрирована в октябре 1946 г. как «ранее действующая», посещаемость мечети в периоды наибольшей активности достигала 400–600 человек. В 1949 г. у общины обнаружилась налоговая задолженность в 25000 руб., ведущая отсчет (согласно официальным данным) с 1946 г., которую предъявил к немедленной оплате райсовет города. Согласно официальной версии община заявила о своей несостоятельности и самоликвидировалась. В последующее время все ходатайства об открытии мечети неизменно отклонялись¹⁴. Эта официальная история закрытия мусульманского объединения вызывает большие сомнения. С трудом можно представить, что община, насчитывающая несколько сотен прихожан, так самонадеянно в течение ряда лет игнорировала налоговые обязательства. Симптоматично и то, что в отчетах уполномоченных с 1951 г. исчезают какие-либо упоминания о существовании легальной общины мусульман в Кузбассе, что также может свидетельствовать о желании скрыть истинные механизмы ликвидации уммы.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 1. Л. 94.

¹¹ Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке. Ф. 1. Оп. 1 сч. Д. 4. Л. 4.

¹² ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 27. Л. 23.

¹³ ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 637. Л. 10.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Д. 9. Л. 42, 82, 94, 100, 253, 332–333; Д. 41. Л. 64–65, 86, 106.

Заключение

Таким образом, в результате снижения интереса советских властей к использованию религиозного фактора во внешней политике антирелигиозная кампания в конце 1940-х – начале 1950-х гг. постепенно набирала новые обороты. Неоднозначно оценивая двойственную вероисповедную политику, руководство региональной и местной власти в период со второй половины 1948 по 1950 гг. применили привычный административный метод борьбы с религией. По причине охлаждения государственно-церковных отношений в Кемеровском благочинии не было зарегистрировано ни одной новой церковной общины. Полностью была ликвидирована община в г. Гурьевске. Общины Никольского молитвенного дома г. Сталинска и Петропавловского молитвенного дома г. Анжеро-Судженск вынуждены были искать новое помещение для храмов. Многие приходы временно приостановили свою деятельность. Закрытия и снятия с регистра-

ции церквей и молитвенных домов не обошлись без протестов и многочисленных жалоб верующих. Вследствие активного вмешательства СДРПЦ в возникающие конфликты в ряде случаев им удавалось приостановить исполнение решений местных властей и даже их отменить.

Представители местной власти находили множество предлогов для закрытия храмов. В основном исполкомы предъявляли претензии приходам по неудовлетворительному техническому состоянию храмов, а также не признавали права собственности общины на культовое здание. Как правило, претензии были просто формальными, а грубые административные меры, ограничивающие религиозную жизнь, противоречили советскому законодательству. Следующая атака государства, намного более разрушительная для Церкви, произойдет через восемь лет, в период так называемых «хрущевских» гонений.

Литература

1. Калашник В. В. Власть и Церковь в СССР (1940–1950 гг.): к историографии проблемы // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2016. № 1. С. 141–144.
2. Куксенко С. И. Историческая наука о периодизации так называемого «Хрущевского наступления» на Русскую православную церковь // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 3. 2013. С. 158–164.
3. Маслова И. И. Государство и русская православная церковь в XX веке: историографический аспект // Символ науки. 2017. № 01-2. С. 144–147.
4. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
5. Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.
6. Митрополит Варфоломей. Первый шаг к миру // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 9. С. 6–7.
7. Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.) / под ред. Й. Баберовски, А. А. Дроздова. М.: Росспэн; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. 719 с.
8. Чумаченко Т. А. «Саратовское дело» 1949 г.: Кампания ЦК ВКП(б) против сложившихся в годы Великой Отечественной войны государственно-церковных отношений // Россия в XX веке: войны, реформы, революции: материалы междунар. науч. конф. (22 апреля 2015 г.). СПб, 2015. С. 334–338.
9. Русская Православная Церковь. XX век / под ред. А. Л. Беглова, О. Ю. Васильевой, А. В. Журавского. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 792 с.
10. Горбатов А. В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 3. С. 166–170.
11. Цыпин В. История Русской Церкви, 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.

MILITANT ATHEISM IN THE LATE 1940S – EARLY 1950S IN THE KEMEROVO REGION

Aleksei V. Gorbatov^{a, @, ID1}; Ekaterina S. Skvortsova^{a, ID2}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@gorbn1965@yandex.ru

^{ID1} <http://orcid.org/0000-0002-8493-6468>

^{ID2} <http://orcid.org/0000-0001-6384-2211>

Received 05.09.2018. Accepted 15.10.2018.

Keywords: Russian Orthodox Church, state church relations, ban on Orthodox communities, militant atheism methods

Abstract: The article features the policy of militant atheism during the period of late Stalinism in the late 1940s – early 1950s. The research is based on various studies on relations between the state and religious institutions. The authors used unpublished materials from regional and federal archives to investigate foreign and domestic affairs that triggered the change in the state religious policy in 1948. The paper describes the main prohibitive and restrictive measures against the Russian Orthodox Church at the state level. In the case of the Kemerovo region, the authorities attempted to close five Christian communities within one year. They did not recognize property rights on the place of worship and claimed that the churches were in unsatisfactory technical condition. The authors established that the claims of the authorities were merely formal, and the gross administrative measures to restrict religious life contradicted Soviet legislation.

For citation: Gorbatov A. V., Skvortsova E. S. «Bogoborcheskii natisk» kontsa 1940-kh – nachala 1950-kh gg. (na primere Kemerovskoi oblasti) [The "God-loving Onslaught" of the late 1940s – early 1950s (on the example of the Kemerovo region)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 24–31. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-24-31>

References

1. Kalashnik V. V. Vlast' i Tserkov' v SSSR (1940–1950 gg.): k istoriografii problem [Power and the Church in the USSR (1940–1950): to the historiography of the problem]. *Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii = Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, no. 1 (2016): 141–144.
2. Kuksenko S. I. Istoricheskaya nauka o periodizatsii tak nazyvaemogo «Khrushchevskogo nastupleniya» na Russkuiu pravoslavnuu tserkov' [Historical Science concerning periodization of so-called "Khrushchev's offensive" against Russian Orthodox Church]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of Saint-Petersburg State of Culture and Arts*, no. 3 (2013): 158–164.
3. Maslova I. I. Gosudarstvo i russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke: istoriograficheskiy aspekt [The state and the Russian Orthodox Church in the XX century: the historiographic aspect]. *Simvol nauki = Symbol of Science*, no. 01-2 (2017): 144–147.
4. Pospelovskii D. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika, 1995, 511.
5. Shkarovskii M. V. *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e Obshchestvo lyubiteli tserkovnoi istorii, 1999, 400.
6. Mitropolit Varfolomei. Pervyi shag k miru [The first step to peace]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii = Journal of the Moscow Patriarchate*, no. 9 (1950): 6–7.
7. Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: materialy VII mezhdunar. nauch. konf. (Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.) [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proc. VII Intern. Sci. Conf. (Tver, December 4–6, 2014)]. Ed. Baberovskii I., Drozdov A. A. Moscow: Rosspen; Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina, 2015, 719.
8. Chumachenko T. A. «Saratovskoe delo» 1949 g.: Kampaniya TSK VKP(b) protiv slozhivshikhsia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii ["The Saratov Case", 1949: Campaign of the Central Committee of the CPSU (b) against state-church relations established during the Great Patriotic War]. *Rossiya v XX veke: voyny, reformy, revoliutsii: materialy mezhdunar. nauch. konf. (22 aprelya 2015 g.)* [Russia in the XX century: wars, reforms, revolutions: Proc. Intern. Sci. Conf. (April 22, 2015)]. Saint-Petersburg, 2015, 334–338.

9. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov'. XX vek* [Russian Orthodox Church. XX century]. Eds. Beglov A. L., Vasil'eva O. Iu., Zhuravskii A. V. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyria, 2007, 792.
10. Gorbatov A. V. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v Sibiri (1949–1952 gg.) [Government-church relations in Siberia (1949–1952)]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* = *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 310, no. 3 (2007): 166–170.
11. Tsypin V. *Istoriia Russkoi Tserkvi, 1917–1997* [History of the Russian Church, 1917–1997]. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria, 1997, 831.